

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1923 году

ТОМ 84

№10. 2012

Нарушения углеводного обмена и синдром обструктивного апноэ во сне

В.Э. ОЛЕЙНИКОВ, Н.В. СЕРГАЦКАЯ

Кафедра «Терапия» Медицинского института Пензенского государственного университета

Carbohydrate metabolic disturbances and obstructive sleep apnea syndrome

V.E. OLEINIKOV, N.V. SERGATSKAYA

Department of Therapy, Medical Institute, Penza State University

Аннотация

Анализируется взаимосвязь синдрома обструктивного апноэ во сне (СОАС) и нарушений углеводного обмена. Представлены данные клинических исследований, в которых СОАС рассматривается как фактор риска развития сахарного диабета 2-го типа (СД2). Приведен анализ наиболее значимых факторов, влияющих на прогрессирование нарушений углеводного обмена у пациентов с СОАС. Рассматривается возможность коррекции СОАС у больных СД2 в качестве модифицируемого фактора риска.

Ключевые слова: синдром обструктивного апноэ во сне, сахарный диабет 2-го типа, инсулинорезистентность, ожирение, гликемия.

The paper analyzes an association between obstructive sleep apnea syndrome (OSAS) and carbohydrate metabolic disturbances. It presents the data of clinical trials that consider OSAS as a risk factor of type 2 diabetes mellitus (T2DM). The most important factors influencing the progression of carbohydrate metabolic disturbances in patients with OSAS are analyzed. Whether OSAS can be corrected as a modifiable risk factor in patients with T2DM is considered.

Key words: obstructive sleep apnea syndrome, type 2 diabetes mellitus, insulin resistance, obesity, glycemia.

АГ — артериальная гипертония
ВДП — верхние дыхательные пути
ГГО — гипоталамо-гипофизарная ось
ДС — дневная сонливость
ИАГ — индекс апноэ/гипопноэ
ИЛ-6 — интерлейкин-6
ИМТ — индекс массы тела
ИР — инсулинорезистентность
ПГ — перемежающаяся гипоксемия

ПСГ — полисомнография
ПТТГ — пероральный тест на толерантность к глюкозе
С-ВНС — симпатическая часть вегетативной нервной системы
СД2 — сахарный диабет 2-го типа
СОАС — синдром обструктивного апноэ во сне
СРО — свободнорадикальное окисление
ФР — фактор риска
SaO₂ — насыщение артериальной крови кислородом
α-ФНО — α-фактор некроза опухоли

Сахарный диабет (СД) 2-го типа (СД2) — наиболее распространенное хроническое эндокринное заболевание. По данным Diabetes Atlas, в 2000 г. в мире зарегистрирован 151 млн больных СД2. В разных странах число таких пациентов составляет от 3 до 10% населения, и по прогнозам ВОЗ к 2025 г. ожидается увеличение числа больных СД2 в 3 раза [1].

Социальная значимость СД определяется большим количеством тяжелых хронических осложнений этого заболевания, которые приводят к инвалидизации и преждевременной смерти больных. СД — важнейший независимый фактор риска (ФР) возникновения атеротромботических осложнений и сердечно-сосудистой смертности; $\frac{2}{3}$ пациентов с СД2 умирают от острого инфаркта миокарда, инсульта, ишемической гангрены [1]. Еще одним грозным осложнением СД2 является диабетическая нефропатия, развивающаяся у 15–30% больных, что в 5–10% случаев приводит к терминальной стадии почечной недостаточности [1].

Помимо перечисленных осложнений, связанных с поражением различных органов и систем, в последнее время установлено, что у пациентов с СД остановки дыхания во сне (апноэ) возникают чаще, чем в популяции. По данным исследования SHN, у больных СД чаще выявлялись расстройства дыхания во сне и более тяжелая гипоксемия [2].

Распространенность синдрома обструктивного апноэ во сне (СОАС) составляет 5–7% среди всего населения старше 30 лет, причем тяжелыми формами заболевания страдают около 1–2%. В возрасте старше 60 лет СОАС отмечается у 30% мужчин и 20% женщин. У лиц старше 65 лет частота заболевания может достигать 60% [3, 4].

Для характеристики СОАС используются следующие термины: «апноэ» — полная остановка дыхания не менее чем на 10 с; «гипоапноэ» — уменьшение дыхательного потока на 50% или более со снижением насыщения крови кислородом не менее чем на 4%. Десатурация — падение

Контактная информация:

Олейников Валентин Элевич — д.м.н., проф., зав. каф. «Терапия» Медицинского института Пензенского государственного университета; тел.: +7(841)254-8229, факс: +7(841)254-8229, +7(902)203-3140; e-mail: oleynikoff@sura.ru

Сведения об авторах:

Сергаская Н.В. — асс. каф. «Терапия» Медицинского института Пензенского государственного университета

насыщения артериальной крови кислородом (SaO_2). Чем выше степень десатурации, тем тяжелее течение СОАС. Апноэ считают тяжелым при $\text{SaO}_2 < 80\%$.

Предложенные Американской академией медицины сна диагностические критерии СОАС, следующие:

А. Выраженная дневная сонливость (ДС), которую нельзя объяснить другими причинами.

В. Два или более из указанных ниже симптомов, которые нельзя объяснить другими причинами:

- удушье или затрудненное дыхание во время сна;
- периодически повторяющиеся эпизоды пробуждения;
- «неосвежающий» сон;
- хроническая усталость;
- снижение концентрации внимания.

С. Во время полисомнографии (ПСГ) выявляется 5 или более эпизодов нарушения дыхания обструктивного характера в течение часа сна. Эти эпизоды могут включать любую комбинацию эпизодов апноэ, гипопноэ или эффективного респираторного усилия.

Для постановки диагноза синдрома обструктивного апноэ/гипопноэ сна необходимо наличие критерия А или В в сочетании с критерием С.

Критериями тяжести данного синдрома принято считать выявляемое при кардиореспираторном мониторинге количество эпизодов периодического апноэ или гипопноэ длительностью более 10 с, сопровождающихся уменьшением потока воздуха с десатурацией более 4% по данным пульсоксиметрии. Среднее число таких эпизодов в течение часа называется индексом апноэ/гипопноэ (ИАГ). Индекс менее 5 считается допустимым у здорового человека, хотя и не является нормой в полном смысле [5].

Согласно рекомендациям специальной комиссии Американской академии медицины сна синдром апноэ подразделяют на 3 степени тяжести, в зависимости от значения ИАГ: < 5 — норма, от 5 до 15 — легкая степень, от 15 до 30 — средняя, > 30 — тяжелая степень.

Считается, что СОАС является результатом взаимодействия анатомических и функциональных факторов. Анатомический фактор обусловлен сужением верхних дыхательных путей (ВДП), функциональный связан с расслаблением мышц, расширяющих ВДП во время сна, что часто сопровождается коллапсом ВДП.

Механизм обструкции дыхательных путей при апноэ реализуется следующим образом. Когда больной засыпает, происходит постепенное расслабление мышц глотки и увеличение подвижности ее стенок. Один из очередных вдохов приводит к полному спадению дыхательных путей и прекращению легочной вентиляции. При этом дыхательные усилия сохраняются и даже усиливаются в ответ на гипоксемию. Развивающиеся гипоксемия и гиперкапния стимулируют реакции активации, т.е. переход к менее глубоким стадиям сна, так как в более поверхностных стадиях сна степени активности мышц-дилататоров ВДП оказывается достаточно, чтобы восстановить их просвет. Однако как только дыхание восстанавливается, спустя некоторое время сон вновь углубляется, тонус мышц-дилататоров уменьшается, и все повторяется вновь. Острая гипоксия также приводит к стрессовой реакции, сопровождающейся активацией симпатико-адреналовой системы и подъемом артериального давления. В результате во время сна у таких пациентов создаются условия для формирования хрониче-

ской гипоксемии, воздействие которой и определяет многообразие клинической картины [3].

Наиболее частой причиной сужения просвета дыхательных путей на уровне глотки является ожирение. Данные американского опроса National Sleep Foundation показали, что приблизительно у 57% страдающих ожирением людей отмечается высокий риск развития СОАС [6].

Одной из функций соматотропного гормона у взрослых людей является регуляция жирового обмена, что проявляется усилением липолиза и уменьшением массы жировой ткани. При тяжелой форме апноэ во сне нарушается синтез соматотропного гормона и тестостерона, пик секреции которых отмечается в глубоких стадиях сна, практически отсутствующих при СОАС, что ведет к недостаточной продукции этих гормонов. При недостатке гормона роста нарушается утилизация жиров и развивается ожирение. Причем любые диетологические и медикаментозные способы лечения, направленные на похудание, оказываются малорезультативными. Более того, жировые отложения на уровне шеи приводят к дальнейшему сужению дыхательных путей и прогрессированию СОАС, а это, в свою очередь, усугубляет недостаток соматотропного гормона. Таким образом, создается порочный круг, разорвать который без специального лечения синдрома апноэ практически невозможно [3].

Апноэ во сне служит независимым ФР развития артериальной гипертонии (АГ), инфаркта миокарда и инсульта [7]. При обследовании мужчин, страдающих АГ, выявлено, что распространенность СОАС у пациентов с СД достигала 36%, в сравнении с 14,5% в группе контроля [8].

Распространенность СОАС у лиц с СД составляет от 18 до 36% [9—11]. В докладе S. West и соавт. распространенность апноэ во сне у больных СД оценивается в 23% по сравнению с 6% в общей популяции [12].

Анализ данных многоцентрового исследования, в котором более чем у 76% пациентов имелась умеренная или тяжелая степень нарушений дыхания во сне, показал исключительно высокую распространенность не диагностированного СОАС у больных СД2 с повышенной массой тела [13]. При этом установлено, что почти у 50% пациентов с синдромом апноэ имеется СД или нарушение углеводного обмена. У лиц с выраженной дневной сонливостью тяжесть СОАС коррелировала с наличием СД [14]. Распространенность СД2 среди пациентов с нарушениями дыхания увеличивается с ростом ИАГ, так как у лиц с ИАГ более 15 в час распространенность СД составляла 15% по сравнению с 3% у пациентов без апноэ [15]. Отмеченные взаимосвязи позволили высказать предположение, что апноэ во сне является новым ФР развития СД2 и, наоборот, что хроническая гипергликемия может способствовать развитию СОАС [16].

Факторы, увеличивающие риск развития апноэ во сне, включают мужской пол [17—19], ожирение [20, 21], возраст [22, 23] и расу [23, 24]. Исследование S. Surani и соавт. показало очень высокую распространенность СД в популяции испанцев, страдающих СОАС, по сравнению с остальными европейцами [25].

Ожирение является общим ФР развития СОАС и инсулинорезистентности (ИР) [15, 26], причем, особое значение имеет висцеральное распределение жира [27]. Приблизительно $\frac{2}{3}$ всех пациентов с синдромом апноэ страдают ожирением, и влияние его как предиктора СОАС в

4 раза сильнее, чем возраста, и в 2 раза сильнее, чем мужского пола [28]. Об этом свидетельствуют результаты обследования пациентов с СД и ожирением, у 86% которых диагностирован СОАС; у 30,5% — средней степени тяжести, а у 22,6% — тяжелой степени, причем тяжесть апноэ коррелировала с увеличением ИМТ [29].

Хотя ожирение, макроангиопатия, АГ и дислипидемия часто сочетаются при СОАС, другие факторы, видимо, играют значительную роль в развитии ИР и метаболических нарушений у больных с синдромом апноэ [30–35]. Речь идет о фрагментации сна (ФС), повышенной симпатической активности и перемежающейся гипоксии (ПГ) [36, 37].

В перекрестных исследованиях обнаружена связь между увеличением тяжести апноэ и нарушениями метаболизма глюкозы одновременно с повышенным риском развития СД. Единственное проспективное четырехлетнее исследование, в котором использовали PSG для диагностики СОАС, не выявило взаимосвязи между его первоначальной тяжестью и заболеваемостью СД [15]. Данные крупного популяционного исследования, недавно выполненного с участием более 1000 пациентов, позволяют предположить, что апноэ во сне ассоциировано с заболеваемостью СД, а также что увеличение тяжести апноэ связано с повышенным риском развития СД [38].

В двух исследованиях, проведенных в Корее, принимали участие лица с нормальной массой тела (индекс массы тела — ИМТ <25 кг/м²), не имевшие, таким образом, основного ФР развития СД. Тем не менее частые эпизоды храпа были связаны со снижением толерантности к глюкозе [39] и более высоким уровнем гликированного гемоглобина [40].

Выявлено, что у здоровых мужчин ИАГ и степень ночной десатурации ассоциированы с нарушением толерантности к глюкозе и ИР независимо от ожирения [26]. Наконец, конкретное доказательство получено по итогам исследования SHN. В популяции из 2656 человек ИАГ и среднее насыщение артериальной крови кислородом во время сна были связаны с повышенными уровнями глюкозы натощак и через 2 ч после перорального теста на толерантность к глюкозе (ПТТГ). Тяжесть апноэ во сне коррелировала со степенью ИР независимо от ИМТ и окружности талии [31].

Продолжительная ПГ и ФС повышают активность симпатической части вегетативной нервной системы (С-ВНС), что, в свою очередь, приводит к нарушениям метаболизма глюкозы. В недавнем исследовании A. Peltier и соавт. установлено, что у 79,2% пациентов с СОАС имелось нарушение толерантности к глюкозе и у 25% был впервые установлен диагноз СД [41].

Сообщалось, что между пациентами с СД и без него после корректировки по ИМТ и другим сопутствующим факторам не зарегистрировано различий по частоте и степени тяжести эпизодов обструкции ВДП. Однако диагноз СД устанавливали на основании лечения пероральными сахароснижающими препаратами или инсулином либо по слову пациента. Вполне возможно, что многие пациенты были ошибочно отнесены в группу контроля [2].

На основании результатов PSG и ПТТГ установлено, что СД встречался у 30,1% пациентов с СОАС и у 13,9% — без нарушений дыхания. С ростом тяжести апноэ независимо от возраста и ИМТ увеличивался уровень глюкозы

крови натощак и после еды, уменьшалась чувствительность к инсулину [35, 42].

Скорее всего, существует несколько механизмов, приводящих к изменениям метаболизма глюкозы у больных СОАС. Предполагаемыми механизмами нарушения метаболизма глюкозы у больных с СОАС являются ПГ, ФС, повышенная активность С-ВНС, нарушение регуляции гипоталамо-гипофизарной оси (ГГО).

Гипоксия и ФС могут привести к активации ГГО и повышению уровня кортизола, оказывая негативное влияние на чувствительность к инсулину и его секрецию (см. рисунок) [43].

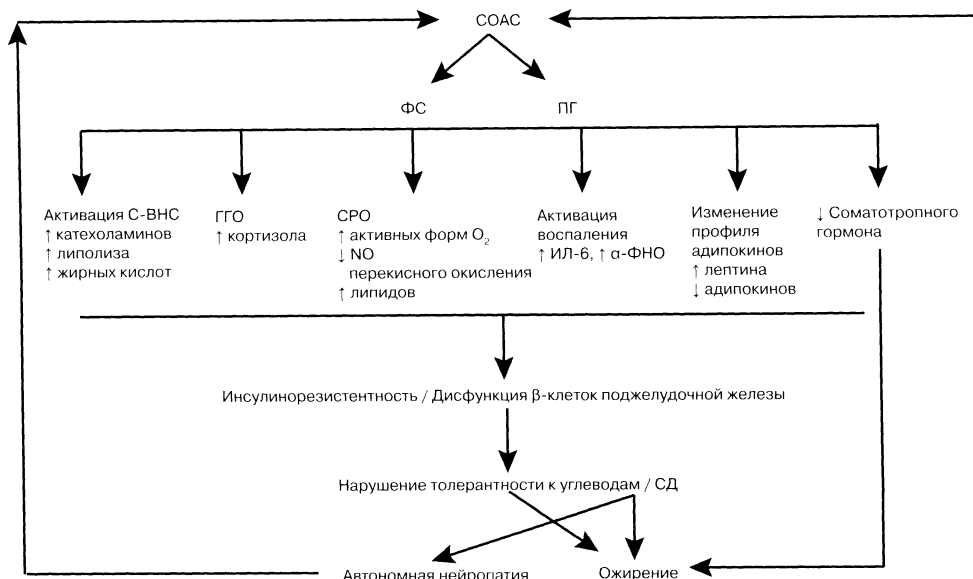
Перемежающаяся гипоксия. Исследования, проведенные в высокогорье, показали, что длительная гипоксия отрицательно сказывается на толерантности к глюкозе и чувствительности к инсулину. Острая длительная гипоксия приводила к нарушению толерантности к глюкозе у здоровых мужчин, что было связано с увеличением частоты сердечных сокращений и уровнем адреналина в плазме крови [44]. В одном из исследований также отмечено, что у здоровых людей 20-минутная ПГ вызывала длительную активацию С-ВНС [45].

Фрагментация сна. При СОАС возникают сокращение общего времени сна и его фрагментация. Эти последствия могут оказывать пагубное влияние на толерантность к глюкозе, а так же привести к повышению риска развития СД. Существует немало доказательств, что короткий сон и/или ФС в отсутствие нарушений дыхания отрицательно влияют на метаболизм глюкозы. Несколько проспективных эпидемиологических исследований подтверждают роль ФС в развитии СД [46]. Полученные результаты согласовывались с данными о повышенном риске развития СД у лиц, исходя не имевших его, но страдающих бессонницей [47]. В другом исследовании сообщалось, что короткий сон и частый храп были связаны с более высокой уровнем распространенностью СД [46]. Установлено, что продолжительность сна менее 5 и более 8 ч также является ФР развития СД [47].

В проведенных исследованиях выявлена независимая связь апноэ с несколькими компонентами метаболического синдрома, особенно с ИР и нарушениями липидного обмена [48–51].

Связь СОАС с ИР изучена недостаточно, а результаты исследований весьма противоречивы. Обнаружено, что ИР, оцененная по индексу резистентности к инсулину (НОМА-ИР), независимо связана с тяжестью апноэ [52]. Однако в нескольких исследованиях сообщалось об отрицательных результатах. В 1994 г. R. Davies и соавт. не выявили значимого повышения уровня инсулина у небольшого числа пациентов с синдромом апноэ по сравнению с контрольной группой того же возраста, ИМТ и длительности курения [53]. Кроме того, опубликованные в 2006 г. результаты 2 исследований случай—контроль с участием большего числа пациентов, свидетельствовали об отсутствии связи между СОАС и ИР [54, 55].

A. Vgontzas и соавт. [56] предположили, что ИР является более сильным ФР развития апноэ во сне, чем ИМТ и уровни тестостерона в плазме у женщин в пременопаузальном периоде. Позже в популяции здоровых мужчин, страдающих ожирением легкой степени, установлено, что степень апноэ коррелировала с уровнями инсулина натощак и спустя 2 ч после нагрузки глюкозой. Сообщалось

Взаимосвязь СОАС и СД.

α-ФНО — α-фактор некроза опухоли; СРО — свободнорадикальное окисление.

также о двукратном увеличении ИР у субъектов с ИАГ >65, после контроля по ИМТ и проценту жировых отложений [26, 57]. Замечено, что у субъектов с СОАС после коррекции по степени ожирения отношение окружности талии/окружность бедер (ОТ/ОБ), ИАГ и минимальная SaO_2 были независимыми детерминантами ИР (степень ИР увеличивалась на 0,5% для каждого почасового увеличения ИАГ) [58, 59].

R. Lergoult и соавт. выдвинули гипотезу, согласно которой гипоксия и ФС способствуют активации ГГО, приводя к увеличению уровня кортизола и, соответственно, гипергликемии [60].

Повторяющиеся эпизоды апноэ сопровождаются выбросом катехоламинов, повышенный уровень которых в течение дня, возможно, увеличивает содержание кортизола. Катехоламины предрасполагают к развитию гиперинсулинемии, стимулируя гликогенолиз, глюконеогенез и секрецию глюкагона, а повышенный уровень кортизола может привести к нарушению толерантности к глюкозе, ИР и гиперинсулинемии. Высокая концентрация инсулина в крови у пациентов с ИР способна инициировать специфические тканевые факторы роста посредством взаимодействия с инсулиноподобным фактором рецепторно-эффекторной системы. Подобные выводы указывают на механизм связи между СОАС и чувствительностью к инсулину, основанный на таких факторах, как прерывистость сна и гипоксемия [61].

Физическая инертность из-за ДС и лишение сна также могут быть важными содействующими факторами. Показано, что ДС связана с повышенной ИР [62]. У пациентов с синдромом апноэ и выраженной ДС уровни глюкозы и инсулина в плазме были выше, чем у лиц, не отмечавших ДС на момент обследования [63].

СОАС также характеризуется провоспалительным состоянием и повышенными уровнями цитокина, например α-ФНО, что может привести к ИР [64]. Уровень α-ФНО

обычно увеличивается при ИР, вызванной ожирением. Исследователи предположили, что у субъектов СОАС концентрации интерлейкина-6 (ИЛ-6) и α-ФНО были более высокими, чем у лиц, страдающих ожирением, но без СОАС [65].

ИР также вызывается повышенным липолизом и наличием жирных кислот [66]. Активация С-ВНС, связанная с эпизодами апноэ, повышает циркуляцию свободных жирных кислот посредством стимуляции липолиза, способствуя, таким образом, развитию ИР [67].

Лептин, ИЛ-6 и воспалительные медиаторы также вовлечены в патогенез ИР и других компонентов метаболического синдрома [68]. Показано, что уровни лептина превышали нормальные показатели у пациентов с СОАС, а содержание адипокина было снижено [43].

Циклические явления гипоксии—реоксигенации, которые происходят у больных с СОАС, представляют собой также форму СРО, приводя к повышенному образованию активных форм кислорода в процессе реоксигенации, аналогичного тому, что наблюдается в условиях ишемии—реперфузии. Этот СРО вызывает активацию адаптивных путей, в том числе снижение биодоступности NO, повышение перекисного окисления липидов [69, 70]. Усиление окислительных процессов является важным механизмом развития ИР и СД [71, 72].

Таким образом, результаты многочисленных исследований показывают, что СОАС ассоциирован с развитием и прогрессированием СД независимо от других ФР, таких как возраст, пол и ИМТ. Увеличение степени тяжести СОАС связано с повышенным риском развития СД, что может быть объяснено наличием хронической гипоксии и частыми микропробуждениями. Иными словами, существует достаточно много больных, у которых нарушения углеводного обмена можно рассматривать в качестве осложнений СОАС. Как состояние, поддающееся лечению, СОАС, таким образом, является модифицируемым ФР развития СД2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рухихин А.Ю., Новикова Ю.В. Современные аспекты патогенеза и лечения сахарного диабета 2 типа. Рус мед журн 2007; 27: 2060—2065.
2. Resnick H.E., Redline S., Shahar E. et al. Diabetes and sleep disturbances: findings from the Sleep Heart Health Study. Diabetes Care 2003; 26: 702—709.
3. Будилов Р.В. Синдром обструктивного апноэ сна в сочетании с ожирением: особенности патогенеза, диагностики и лечения: Дис. ... д-ра мед. наук. М 2003; 208.
4. Young T., Peppard P.E., Gottlieb D.J. Epidemiology of obstructive sleep apnea: a population health perspective. Am J Respirat Critical Care Med 2002; 165 (9): 1217—1239.
5. Manser R.M., Rochford P., Pierce R.J. et al. Impact for defining hypopneas in the Pnea-Hypopnea Index. Chest 2001; 120: 909—914.
6. Knutson K.L., Spiegel K., Penev P., Van Cauter E. The metabolic consequences of sleep deprivation. Sleep Med Rev 2007; 11 (3): 163—178.
7. Marin J.M., Carrizo S.J., Vicente E. et al. Long-term cardiovascular outcomes in men with obstructive sleep apnoeahypopnoea with or without treatment with continuous positive airway pressure: an observational study. Lancet 2005; 365: 1046—1053.
8. Elmasry A., Janson C., Lindberg E. et al. Sleep-disordered breathing and glucose metabolism in hypertensive men: a population-based study. J Intern Med 2001; 249 (2): 153—161.
9. Einhorn D., Stewart D.A., Erman M.K. et al. Prevalence of sleep apnea in a population of adults with type 2 diabetes mellitus. Endocr Pract 2007; 13: 355—362.
10. Marshall N., Keith K., Wong M. et al. Is sleep apnea an independent risk factor for prevalent and incident diabetes in the Busselton study? J Clin Sleep Med 2009; 5 (1): 15—20.
11. Roncksley P.E., Hemmelgarn B.R., Heitman S.J. Obstructive sleep apnoea is associated with diabetes in sleepy subjects. Thorax 2009; 64: 834—839.
12. West S.D., Nicoll D.J., Wallace T.M. et al. Obstructive sleep apnea in men with type 2 diabetes: a double blind randomized controlled trial of the effects of CPAP on HbA1c and insulin resistance [abstract]. Paper presented at: the American Thoracic Society Meeting; May 19—24, 2006; San Diego, CA.
13. Foster G.E., Kuna S.T., Sanders M.H. et al. Sleep apnea in obese adults with type 2 diabetes: baseline results from sleep AHEAD study [abstract]. Sleep 2005; 25: 066.
14. Tsai W.H. Obstructive sleep apnea is associated with diabetes in sleepy subjects. Thorax 2009; 64 (10): 834—839.
15. Reichmuth K.J., Austin D., Skatrud J.B. et al. Association of sleep apnea and type II diabetes: a population-based study. Am J Respir Crit Care Med 2005; 172: 1590—1598.
16. Tasali E., Mokhlesi B., Van Cauter E. Obstructive sleep apnea and type 2 diabetes: interacting epidemics. Chest 2008; 133 (2): 496—506.
17. Young T., Palta M., Dempsey J. et al. The occurrence of sleep-disordered breathing among middle-aged adults. New Engl J Med 1993; 328 (17): 1230—1235.
18. Bixler E.O., Vgontzas A.N., Lin H.-M. et al. Prevalence of sleep-disordered breathing in women: effects of gender. Am J Respir Critical Care Med 2001; 163 (3.1): 608—613.
19. Redline S., Kump K., Tishler P.V. et al. Gender differences in sleep disordered breathing in a community-based sample. Am J Respir Critical Care Med 1994; 149 (3.1): 722—726.
20. Newman A.B., Nieto F.J., Guidry U. et al. Relation of sleep-disordered breathing to cardiovascular disease risk factors: the Sleep Heart Health Study. Am J Epidemiol 1995; 154 (1): 50—59.
21. Young T., Shahar E., Nieto F.J. et al. Predictors of sleepdisordered breathing in community-dwelling adults: the Sleep Heart Health Study. Arch Intern Med 2002; 162 (8): 893—900.
22. Bixler E.O., Vgontzas A.N., Ten Have T. et al. Effects of age on sleep apnea in men. Prevalence and severity. Am J Respir Critical Care Med 1998; 157 (1): 144—148.
23. Duran J., Esnaola S., Rubio R., Iztueta A. Obstructive sleep apnea-hypopnea and related clinical features in a population-based sample of subjects aged 30 to 70 yr. Am J Respir Critical Care Med 2001; 163 (3.1): 685—689.
24. Redline S., Tishler P.V., Hans M.G. et al. Racial differences in sleep-disordered breathing in African-Americans and Caucasians. Am J Respir Critical Care Med 1997; 155(1): 186—192.
25. Surani S., Aguillar R., Komari V. et al. Influence of Hispanic ethnicity in prevalence of diabetes mellitus on sleep apnea and relationship to sleep phase. Postgraduate Med 2009; 121 (15): 108—112.
26. Punjabi N.M., Sorkin J.D., Katzel L.I. et al. Sleep-disordered breathing and insulin resistance in middle-aged and overweight men. Am J Respir Critical Care Med 2002; 165 (5): 677—682.
27. Guilleminault C., Bassiri A., Caskadon M.A. Clinical features and evaluation of obstructive sleep apnea-hypopnea syndrome and upper airway resistance syndrome. In: Kryger M.H., Roth T., Dement W.C. (eds) Principles and Practice of Sleep Medicine, 2nd ed. Philadelphia: Elsevier Saunders 2005: 1043—1052.
28. Bliwise D.L., Feldman D.E., Bliwise N.G. et al. Risk factor for sleep disordered breathing in heterogeneous geriatric populations. J Am Geriatr Society 1987; 35 (2): 132—141.
29. Foster G.E., Sanders M.H., Millman R. et al. Obstructive sleep apnea among obese patients with type 2 diabetes. Diabetes Care 2009; 32 (6): 1017—1039.
30. Punjabi N.M., Polotsky V.Y. Disorders of glucose metabolism in sleep apnea. J Applied Physiol 2005; 99 (5): 1998—2007.
31. Punjabi N.M., Shahar E., Redline S. et al. Sleep-disordered breathing, glucose intolerance, and insulin resistance: the Sleep Heart Health Study. Am J Epidemiol 2004; 160 (6): 521—530.
32. Harsch I.A., Shahin S.P., Radespiel-Troger M. et al. Continuous positive airway pressure treatment rapidly improves insulin sensitivity in patients with obstructive sleep apnea syndrome. Am J Respir Crit Care Med 2004; 169: 156—162.
33. Elmasry A., Janson C., Lindberg E. et al. Sleep-disordered breathing and glucose metabolism in hypertensive men: a population-based study. J Intern Med 2001; 249 (2): 153—161.
34. Ip M.S.M., Lam B., Ng M.M.T. et al. Obstructive sleep apnea is independently associated with insulin resistance. Am J Respir Critical Care Med 2002; 165 (5): 670—676.
35. Meslier N., Gagnadoux F., Giraud P. et al. Impaired glucose-insulin metabolism in males with obstructive sleep apnoea syndrome. Eur Respir J 2003; 22: 156—160.
36. Somers V.K., Dyken M.E., Clary M.P., Abboud F.M. Sympathetic neural mechanisms in obstructive sleep apnea. J Clin Invest 1995; 96: 1897—1904.
37. Polotsky V.Y., Li J., Punjabi N.M. et al. Intermittent hypoxia increases insulin resistance in genetically obese mice. J Physiol 2003; 552 (1): 253—264.
38. Botros N., Concato J., Mohsenin V. et al. Obstructive sleep apnea as a risk factor for type 2 diabetes. Am J Med 2009; 122 (12): 1122—1127.
39. Shin C., Kim J. et al. Association of habitual snoring with glucose and insulin metabolism in nonobese Korean adult men. Am J Respir Crit Care Med 2005; 171: 287—291.

40. Joo S., Lee S., Choi H.A. et al. Habitual snoring is associated with elevated hemoglobin A1c levels in non-obese middle-aged adults. *J Sleep Res* 2006; 15: 437—444.
41. Peltier A.C., Consens F.B., Sheikh K. et al. Autonomic dysfunction in obstructive sleep apnea is associated with impaired glucose regulation. *Sleep Med* 2007; 8: 149—155.
42. Kono M., Tatsumi K., Saibara T. et al. Obstructive sleep apnea syndrome is associated with some components of metabolic syndrome. *Chest* 2007; 131: 1387—1392.
43. Shaw J.E., Punjabi N.M., Wilding J.P. et al. Sleep-disordered breathing and type 2 diabetes. A report from the International Diabetes Federation Taskforce on Epidemiology and Prevention. *Diabetes Res Clin Pract* 2008; 81: 2—12.
44. Oltmanns K.M., Gehring H., Rudolf S. et al. Hypoxia causes glucose intolerance in humans. *Am J Respir Crit Care Med* 2004; 169: 1231—1237.
45. Cutler M.J., Swift N.M., Keller D.M. et al. Hypoxia-mediated prolonged elevation of sympathetic nerve activity after periods of intermittent hypoxic apnea. *J Appl Physiol* 2004; 96: 754—761.
46. Mallon L., Broman J.E., Hetta J. High incidence of diabetes in men with sleep complaints or short sleep duration: a 12-year follow-up study of a middle-aged population. *Diabetes Care* 2005; 28: 2762—2767.
47. Yaggi K., Araujo A., McKinlay J. Sleep duration as a risk factor for the development of type 2 diabetes. *Diabetes Care* 2006; 29: 657—661.
48. Tasali E., Ip M.S.M. Obstructive sleep apnea and metabolic syndrome: alterations in glucose metabolism and inflammation. *Proc Am Thorac Soc* 2008; 5 (2): 207—217.
49. Tasali E., Mokhlesi B., Van Cauter E. Obstructive sleep apnea and type 2 diabetes: interacting epidemics. *Chest* 2008; 133 (2): 496—506.
50. Coughlin S.R., Mawdsley L., Mugarza J.A. et al. Obstructive sleep apnoea is independently associated with an increased prevalence of metabolic syndrome. *Eur Heart J* 2004; 25(9): 735—741.
51. Levy P., Bonsignore M.R., Eckel J. Sleep, sleepdisordered breathing and metabolic consequences. *Eur Respir J* 2009; 34 (1): 243—260.
52. Makino S., Handa H., Suzukawa K. et al. Obstructive sleep apnoea syndrome, plasma adiponectin levels, and insulin resistance. *Clin Endocrinol (Oxf)* 2006; 64: 12—19.
53. Davies R., Turner R., Crosby J. et al. Plasma insulin and lipid levels in untreated obstructive sleep apnea and snoring: their comparison with matched controls and response to treatment. *J Sleep Res* 1994; 3: 180—185.
54. Gruber A., Horwood F., Sithole J. et al. Obstructive sleep apnoea is independently associated with the metabolic syndrome but not insulin resistance state. *Cardiovasc Diabetol* 2006; 5: 22.
55. Sharma S.K., Kumpawat S., Goel A. et al. Obesity, and not obstructive sleep apnea, is responsible for metabolic abnormalities in a cohort with sleep-disordered breathing. *Sleep Med* 2007; 8: 12—17.
56. Vgontzas A.N., Legro R.S., Bixler E.O. et al. Polycystic ovary syndrome is associated with obstructive sleep apnea and daytime sleepiness: role of insulin resistance. *J Clin Endocrinol Metab* 2001; 86 (2): 517—520.
57. Theorell-Haglow J., Berne C., Janson C., Lindberg E. Obstructive sleep apnoea is associated with decreased insulin sensitivity in females. *Eur Respir J* 2008; 31: 1054—1060.
58. Manzella D., Parillo M., Razzino T. et al. Soluble leptin receptor and insulin resistance as determinant of sleep apnea. *Intern J Obes* 2002; 26 (3): 370—375.
59. Zhang L.Q., Yao W.Z., Wang Y.Z. et al. Relationship between obstructive sleep apnea/hypopnea syndrome and insulin resistance. *Zhonghua Nei Ke Za Zhi* 2006; 45 (3): 184—187.
60. Leproult R., Copinschi G., Buxton O., Van Cauter E. Sleep loss results in an elevation of cortisol levels the next evening. *Sleep* 1997; 20 (10): 865—870.
61. Strohl K.P. Diabetes and sleep apnea. *Sleep* 1996; 19: S225—S228.
62. Ip M.S.M. Obstructive sleep apnoea, insulin resistance and sleepiness. *Thorax* 2008; 63: 939—940.
63. Barcelo A., Barbe F., de la Pena M. et al. Insulin resistance and daytime sleepiness in patients with sleep apnoea. *Thorax* 2008; 63: 946—950.
64. Spiegel K., Leproult R., Van Cauter E. Impact of sleep debt on metabolic and endocrine function. *The Lancet* 1999; 354 (9188): 1435—1439.
65. Bopparaju S., Surani S. Sleep and Diabetes. Review article. *Intern J Endocrinol* 2010; 2010: 1—9.
66. Kruszynska Y.T., Worrall D.S., Ofrecio J. et al. Fatty acid-induced insulin resistance: decreased muscle PI3K activation but unchanged Akt phosphorylation. *J Clin Endocrinol Metab* 2002; 87 (1): 226—234.
67. Nieto F.J., Young T.B., Lind B.K. et al. Association of sleep-disordered breathing sleep apnea, and hypertension in a large community-based study. Sleep Heart Health Study. *JAMA* 2000; 283 (14): 1829—1836.
68. Wisse B.E. The inflammatory syndrome: the role of adipose tissue cytokines in metabolic disorders linked to obesity. *J Am Soc Nephrol* 2004; 15 (11): 2792—2800.
69. Lavie L. Obstructive sleep apnoea syndrome: an oxidative stress disorder. *Sleep Med Rev* 2003; 7: 35—51.
70. Zhan G., Serrano F., Fenik P. et al. NADPH oxidase mediates hypersomnolence and brain oxidative injury in a murine model of sleep apnea. *Am J Respir Crit Care Med* 2005; 172: 921—929.
71. Furukawa S., Fujita T., Shimabukuro M. et al. Increased oxidative stress in obesity and its impact on metabolic syndrome. *J Clin Invest* 2004; 114: 1752—1761.
72. Laight D.W., Desai K.M., Gopaul N.K. et al. Pro-oxidant challenge in vivo provokes the onset of NIDDM in the insulin resistant obese Zucker rat. *Br J Pharmacol* 1999; 128: 269—271.

Поступила 21.09.2011